

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7

Бёрджесс Д. П.

СВЯТОСТЬ И СВОБОДА:
ВЗГЛЯД ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО¹

Питтсбургская Богословская Семинария, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург 15206, США;
jburgess@pts.edu

Аннотация. Исследование, отраженное в докладе, направлено на важнейшие взаимосвязанные феномены в жизни православной церкви – святость и старчество. Рассматривается философско-богословское учение о Павла Флоренского о свободе святых как истинной форме духовной жизни, в основе которой – духовная любовь.

Ключевые слова: П. А. Флоренский; святость; свобода; духовная любовь; старчество.

Для цитирования: Бёрджесс Д. П. Святость и свобода: взгляд Павла Флоренского // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 55-59. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7

J. P. Burgess

HOLINESS AND FREEDOM: THE VIEW
OF PAVEL FLORENSKY

Pittsburgh Theological Seminary, 616 N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA;
jburgess@pts.edu

Abstract. This essay examines the interrelationship of holiness and spiritual eldership, two phenomena of exceeding importance in the Orthodox Church. The essay focuses on the philosophical-theological teaching of Fr. Pavel Florensky, who regards the freedom of the holy person as the truest expression of the spiritual life. For Florensky, spiritual love is the foundation of this freedom.

Keywords: Pavel Florensky; holiness; freedom; spiritual love; eldership.

¹ Публикация подготовлена на основе доклада, сделанного автором 12 апреля 2019 года на теоретическом семинаре кафедры философии и теологии, приуроченном к Неделе науки в институте общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета (https://www.bsu.edu.ru/bsu/news/news.php?ID=552335&IBLOCK_ID=176).

For citation: Burgess J. P. (2019), “Holiness and freedom: the view of Pavel Florensky”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (2), 55-59, DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-2-0-7

Я американский протестантский богослов, но интересуюсь Православной Церковью в России и уже пятнадцать лет регулярно приезжаю в Россию, чтобы проводить исследования. В этом году я приехал в Белгород, чтобы изучать феномен старчества в советской России. Я хочу узнать больше об уникальных личностях этого времени, таких как Серафим Тяпочкин (1894-1982) из села Ракитное Белгородской области. Почему в то время верующие тянулись к старцам? Влияет ли наследие старчества на Церковь сегодня? Когда я начал искать ответы на эти вопросы, то скоро понял, что это требует многих лет исследования и осмысления. Я нахожусь еще в самом начале.

Но сегодня я хочу рассказать о том, как я открыл в религиозной философии священника Павла Флоренского идеи, которые касаются моих вопросов о старчестве. Когда я начал свою работу в Белгороде, то узнал случайно – или, может быть, промыслительно, – что Флоренский тоже интересовался феноменом старчества и сам был знаком с некоторыми старцами, когда учился в Московской Духовной Академии. Так я начал читать Флоренского (на русском языке!): сначала его житие об одном старце, отце Исидоре из Гефсиманского скита в Сергиевом Посаде; потом некоторые его самые известные статьи – «Троице-Сергиева лавра и Россия», «Моленные иконы преподобного Сергия» и «Иконостас»; и наконец, «Столп и утверждение истины» – его главный богословский труд.

Как видите, я не специалист по Флоренскому; я расскажу о своей первой встрече с мыслителем, идеи которого часто превосходят мою способность понимания, и не только из-за того, что я не носитель русского языка. Как уже сказал, я нахожусь еще в самом начале, но может быть, вам будет интересно узнать, чем Флоренский поражает меня. Для Флорен-

ского самый яркий пример настоящей свободы встречается в святом человеке, в том числе в старце. Только святой человек на самом деле понимает, в чем заключается тайна свободы: в такой любви, которая проявляется в Троичной любви Бога. Если мы хотим быть свободными, нам нужно любить так, как сам Бог любит.

Как любит Бог? Флоренский считает, что «духовная любовь» выражается в «преодолении границ самости, в выхождении из себя» (Флоренский, 2017b: 96). Такая любовь проявляется в отношении ипостасей Троицы друг к другу. Отец являет себя Отцом только в том, что он отдает себя полностью Сыну и Святому Духу. Сын являет себя Сыном в том, что он отдает себя полностью Отцу и Святому Духу. Святой Дух являет себя Святым Духом в том, что он отдает себя полностью Отцу и Сыну. Каждая ипостась отождествляется с другой, а через их единство каждый обретает себя и становится личностью. Как пишет Флоренский, «в этом-то “опустошении” <...> себя происходит обратное восстановление [себя]» (Флоренский, 2017b: 97).

Каждая ипостась свободно выбирает эту любовь, а эта любовь уважает свободу каждой другой ипостаси. Духовная любовь не навязывает, не стесняет. Более того, такая же любовь проявляется в отношении Бога к твари, к миру, который он сотворил. Бог поставляет «рядом с Собою» самостоятельное бытие и дарит ему свободу «развиваться по собственным своим законам». Эта «идея о смирении Божиим, о самозамалении Божиим <...> дала почву для признания твари самостоятельной и потому нравственно ответственной за себя перед Богом» (Флоренский, 2017b: 293). Бог позволяет каждому человеку свободно выбрать его отношение к Богу и к твари.

Грех проявляется в том, что человек свободно выбирает рабство у самого себя. Используя свою свободу, чтобы утвердить

себя против других, он становится замкнутым в себе и лишается присущей ему способности воспринимать мир в качестве сотворенной красоты, которая указывает на красоту совершенной Троичной любви Бога. Грешный человек пытается быть «самим собой», но он на самом деле не знает, кто он. Флоренский считает, что такой человек оказывается в состоянии бесконечного сомнения и постоянного отчаяния. Бог жалеет грешного человека. Он не карает его, не заставляет его измениться. Наоборот, он смиряет себя «до последнего предела: Бог, вступая в мир, отлагает образ славы Своей и принимает образ Своей твари. <...> Бог любит тварь Свою и мучается за нее, мучается грехом ее. Бог простирает руки к твари Своей, просит ее, призывает ее, ожидает к Себе блудного сына Своего» (Флоренский, 2017b: 293-94).

По милости Бога в каждом веке появляются люди, которые используют свою свободу, чтобы ответить на призыв Бога к покаянию. Они выбирают путь аскетизма, освобождаются «от плена плотской ограниченности» (Флоренский, 2017b: 66) и обращаются к Богу. Флоренский подробно описывает состояние этих подвижников. Он считает, что они начинают новую жизнь, жизнь в Святом Духе. Они становятся духоносителями (Флоренский, 2017b: 321). Они живут в этом мире, но одновременно над ним, на границе видимого и невидимого. С одной стороны, они свидетельствуют о воплощении Бога. Бог входит в наш сотворенный мир и прикасается к подвижнику. С другой стороны, подвижники свидетельствуют о действии Святого Духа, который одухотворяет подвижника и возводит его в горний мир, в Царство Божие. Для Флоренского, Сергей Радонежский представляет собой вершину святости. Он был достоин созерцать внутреннюю жизнь Святой Троицы, истину которой Андрею Рублеву удалось передать в своей известной иконе (Флоренский, 2017c: 138-49).

Флоренский утверждает, что, если бы мы были достаточно одухотворены, нам было бы достаточно смотреть на Христа и

Богоматерь, чтобы приобщиться к Богу. Но, пишет он, «по немощности духовного зрения молящихся, Церкви, в заботе о них, приходится пристраивать некоторое пособие духовной вялости» (Флоренский, 2017a: 28). Здесь Флоренский имеет в виду иконы. Но он добавляет, что икона не заменяет собой общение с тем, о котором она свидетельствует. Через икону мы вступаем в общение со святым человеком, которого она изображает. Он делает для нас «близким и доступным» невидимый духовный мир (Флоренский, 2017a: 27). Мы можем заключить, что Флоренский считает общение с живыми подвижниками, старцами, тоже прикосновением к духовному миру.

Каждый подвижник открывает в себе «тот корень вечности, который дан ему чрез соучастие в недрах Троичной Любви» (Флоренский, 2017b: 321). Благодаря этому, он может проявлять любовь к другим. Он любит мир, как Бог любит мир. Флоренский пишет: подвижники «стяжали <...> Духа и в благодатных дарах Утешителя находят силу для высшей любви к твари» (Флоренский, 2017b: 313). Несмотря на извращение твари из-за человеческого греха, подвижник «видит в вещах знамения Божии и Божии письма. <...> Вся природа – “книга” для него» (Флоренский, 2017b: 279). Он стремится «воспринимать всю тварь в ее первозданной победной красоте» (Флоренский, 2017b: 314). Он не считает «существующий порядок [мира] “естественным”, но – извращением естества, однако любит мир истинною любовью, и грязь, насевшую на нем, милосердно терпит и покрывает своею кротостию» (Флоренский, 2017b: 300). «Бесконечная острая жалость и трепет благоговейной любви жалит сердце подвижника, лишь только очистил его от коры греха» (Флоренский, 2017b: 292).

В житии старца Исидора Флоренский описывает свою личную встречу с такой духовной любовью. Здесь я не буду приводить примеры того, как о. Исидор про-

являет те черты святости, которые мы уже выделили. Вместо этого мы вернемся к вопросу о свободе святого человека. Флоренский утверждает, что святой человек может жить «по извечно-данному [твари] образу бытия. <...> Он свободно самоопределяется в отношении к Творцу и Отцу» (Флоренский, 2017b: 295). Так и о. Исидор любит по свободе, которую Бог дает своей твари. С одной стороны, о. Исидор жил по свободе сыновей Божьих. Флоренский пишет: «Авва никого не боялся, ни пред кем не искалествовал, ни для кого не забывал своего достоинства человеческого, всегда чувствовал себя самовластным, свободным и подчинялся одному лишь Богу» (Флоренский, 2018: 448). С другой стороны, о. Исидор показывал другим путь к свободе перед Богом. Флоренский пишет, что, когда о. Исидор исповедовал, «исповедник видел себя пред лицом не человека <...> а перед лицом Самой Вечности. <...> Ни сетований, ни упреков, ни даже единого движения на лице Старца. Одним словом, каждый исповедующийся твердо знал, что попал в царство *свободы*» (Флоренский, 2018: 458).

В заключение я хочу выделить глубокий богословский момент у Флоренского. У подвижника есть способность, пишет Флоренский, видеть в каждом человеке «само-стоятельное, само-законное и самоответственное творение Божие, возлюбленное Богом и способное отвечать на любовь Его» (Флоренский, 2017b: 293). Подвижники учат нас тому, что настоящая свобода заключается в новом сознании. Мы смотрим другими глазами вокруг нас. Духовная любовь освобождает нас видеть и уважать образ и подобие Бога даже в грешном, извращенном человеке: он «способен отвечать на любовь Бога».

Недавно я познакомился с пожилой женщиной, которая долгое время ездила каждую субботу в село Ракитное к старцу Серафиму. Она рассказала мне: «всегда по дороге туда я думала о своих вопросах и проблемах, которые я хотела, чтобы ба-

тюшка решил. Но как только я приезжала и встречала его, все мои тяготы уходили. Не надо уже было спрашивать ничего». Эта женщина ощущала такую духовную любовь, которая освобождала ее от уныния и замкнутости, так что она могла видеть весь мир в свете вечности.

Литература

Флоренский, П.А. Иконостас (1919-1922) // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017 (а). С. 9-118.

Флоренский, П.А. Соль Земли // Флоренский П. А. Богословские труды: 1902–1909. М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. С. 427-495.

Флоренский, П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017 (b). 905 с.

Флоренский, П.А. Троице-Сергиева лавра и Россия (1919-1922) // Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017 (c). С. 130-144.

References

Florensky, P. A. (2017a), “Iconostasis (1919-1922)”, *Istoriya I filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art], Akademicheskyy proekt, Moscow, Russia, 9-118 (in Russ.).

Florensky, P. A. (2018), “The Salt of the Earth”, *Bogoslovskie Trudy* [Theological works: 1902–1909], St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia, 427-495 (in Russ.).

Florensky, P. A. (2017b), *Stolp I utverzhdenie istiny. Opit pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The pillar and ground of the truth. The experience of the Orthodox theodicy in twelve letters], Akademicheskyy proekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Florensky, P. A. (2017c), “The Trinity-Sergius Lavra and Russia (1919-1922)”, *Istoriya I filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art], Akademicheskyy proekt, Moscow, Russia, 130-144 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Бёрджесс Джон Пол, профессор,
Ph.D., Питтсбургская Богословская Семина-
рия, Н. Хайленд-Авеню, 616, Питтсбург 15206,
США; jburgess@pts.edu.

ABOUT THE AUTHOR:

John Paul Burgess, Professor, Ph.D.,
Pittsburgh Theological Seminary, 616
N. Highland Ave., Pittsburgh, PA 15206 USA;
jburgess@pts.edu